

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

Орел Владимир Эммануилович

Состав и характеристика субстратного апеллативного
фонда балканославянских языков

Специальность 10. 02. 03 – Славянские языки

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 1981 г.

Работа выполнена
в группе Общекарпатского диалектологического атласа
Института славяноведения и балканистики АН СССР

Научный руководитель – доктор филологических наук Л.А.Гиндин

Официальные оппоненты: член-корреспондент АН СССР, доктор
филологических наук, профессор
А.В.Десницкая

доктор филологических наук, профессор
А.А.Белецкий

Ведущее научное учреждение – Институт русского языка АН СССР,
Сектор этимологии и ономастики

Защита диссертации состоится "10" ноября 1981 г. в 16 часов
на заседании специализированного совета Д 002.97.01 при Инсти-
туте славяноведения и балканистики АН СССР по адресу: Москва,
Ленинградский проспект 7

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
славяноведения и балканистики АН СССР

Автореферат разослан "29" сентября 1981 г.

Ученый секретарь
специализированного совета

Г.К.Венедиктов

© Институт славяноведения и балканистики АН СССР

Настоящее исследование посвящено изучению состава и характеристике субстратного апеллативного фонда балканославянских языков, причем под балканославянскими – в соответствии с современным терминологическим словоупотреблением – понимаются болгарский, македонский и сербохорватский языки.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена рядом причин. В последние десятилетия в мировой и отечественной науке заметно возрос интерес к проблемам этногенеза славянских и балканских народов, причем в разрешении этих проблем не последнюю роль играет лингвистический аспект. Среди других вопросов славянского этногенеза встает и весьма существенный вопрос о том, с какими народами встретились носители праславянских диалектов, переселявшиеся на Балканский полуостров в VI – VIII вв. н.э., каковы были осуществлявшиеся при этом межэтнические контакты и какое влияние оказали последние на язык и культуру как балканских славян, так и автохтонных жителей Балкан. Эти проблемы могут в значительной мере найти свое разрешение с помощью языкознания, притом не только на основе изучения балканской топонимики, но и путем этимологического анализа, стратификации и характеристики ранних апеллативных проникновений в балканославянский словарь из языков населения Балканского полуострова, в том числе, автохтонного. Важно подчеркнуть, что в ряде отношений именно данные апеллативной лексики, помогающей охарактеризовать культурное, экономическое и историческое содержание межэтнических контактов, имеют первостепенное значение.

Научная новизна исследования выражается в том, что на основе ряда новых этимологических решений, подкрепляемых уже накопленными наукой данными, предлагается новая характерис-

тика балканского субстрата, явившегося источником ранних заимствований в балканославянские языки. Этот субстрат, определявшийся ранее как фракийский, дакийский или фрако-иллирийский, с опорой на недостаточно верифицируемые реконструкции, связывается в настоящем исследовании с раннеалбанским языковым состоянием, определяемым как восточнобалканский диалект, генетически близкий фракийскому. Новым является также указание на ряд случаев, когда раннеалбанский оказывается передаточным звеном между языком-источником и балканославянскими языками. Характеристика субстратного апеллативного фонда осуществляется в исследовании посредством этимологизации предположительно субстратных лексем, их хронологической стратификации и семантического анализа.

Определение важных элементов субстратного апеллативного фонда балканославянских языков и генетическая, а равно и семантическая характеристика этих ранних заимствований может иметь непосредственное практическое применение при разработке вопросов этногенеза славянских народов в том, что касается первого письменно засвидетельствованного передвижения славян – их миграции на Балканы, а также в плане контактов славян с населением Балканского полуострова. Вместе с тем, изучение субстратных апеллативов в балканославянских языках, общих с лексемами неславянских языков Балкан, имеет большое значение для понимания путей, на которых в древности формировались предпосылки и первые элементы современного балканского языкового союза и карпато-балканского лингвистического ареала.

Таким образом, цель исследования заключалась в том, чтобы в целом определить состав субстратного апеллативного фонда балканославянских языков и дать его этимологическую, генетическую и семантико-культурную характеристику. При этом определение состава указанной лексики понималось не в смысле исчерпывающего охвата лексем этого типа в духе этимологического словаря, но как отбор, за пределами текста исследования, достаточно представительного ряда наиболее характерных случаев, что, с одной стороны, было вызвано предшествующим уровнем разработки проблемы, а с другой – искупается возможностью детальной аргументации и подробного анализа каждой вновь предлагаемой этимологии.

Поставленная выше цель определила и основные задачи исследования: выделение предположительно субстратных апеллативных лексем, их селекцию на этимологической основе, включая сюда и ревизию уже имеющихся этимологий, этимологизацию заимствований из автохтонных балканских языков, поиск и этимологизацию лексем, проникших в балканославянские языки через посредство автохтонных балканских языков из других языков этого ареала, как индоевропейских, так и неиндоевропейских, семантическую характеристику обследованных слов и определение их этногенетической значимости. Специфика рассматриваемой проблемы поставила перед исследованием и некоторые дополнительные задачи, в том числе: вопрос о генетических связях раннеалбанского языка и вопрос о балканском неиндоевропейском субстрате.

Апробация исследования. Результаты исследования были обсуждены на заседании группы Общекарпатского диалектологического атласа Института славяноведения и балканистики АН СССР. Основные положения исследования опубликованы в 9 работах; см. список публикаций.

Содержание исследования

Работа состоит из Введения, пяти глав, Заключения, Библиографического указателя, включающего сокращения и список использованной литературы, и Приложения - Указателя слов.

Во Введении характеризуется цель, задачи, метод и предмет исследования, апеллативный субстратный фонд балканославянских языков, причем делаются необходимые терминологические уточнения понятий "балканославянский" и "субстрат". Сложная этнолингвистическая картина дославянских Балкан требует толковать понятие "субстрат" шире, нежели это делается обычно, а именно, как совокупность ранних заимствований в балканославянские языки из автохтонных и неавтохтонных языков Балкан на первых этапах колонизации славянами полуострова - в VI - VIII вв. н.э. Далее рассматривается вопрос о соотношении топонимических и апеллативных данных, причем подчеркивается историколингвистическое значение последних, доказываемое конкретными примерами в других разделах работы. Введение завершается описанием структуры исследования.

Глава первая "Основные направления в изучении балканского субстрата и ранних заимствований в балканославянские языки" посвящена обзору имеющихся в науке достижений по ряду основных направлений, в том числе, в области изучения древнебалканской топонимики и, если пользоваться терминами Ф. де Соссюра, проспективного и ретроспективного анализа балканской апеллативной лексики. Специфика исследования обусловила включение в данную главу особого раздела, посвященного проблеме генетических связей албанского языка.

Несмотря на то, что само исследование посвящено апеллативной лексике, обзор исследований по топонимике оказался необходимым, так как именно в этой области, по ряду причин, особенно велики успехи исторической балканистики. Топонимические данные создают своего рода историко-лингвистический фон для разысканий в области апеллативной лексики, рисуя общую картину языкового членения балканского ареала к приходу славян на Балканы. В разделе "Изучение древнебалканской топонимики" характеризуется история и нынешнее состояние исследований по фракийским, дакийским, иллирийским и мессапским языковым остаткам. В области фрако-дакийской топонимики рассматриваются основополагающие работы В.Томашека, Д.Дечева, В.Георгиева с разбором некоторых топонимических этимологий. Особое внимание уделяется работам И.Дуриданова и В.Н.Топорова, развивающим гипотезу специальной фрако-балтийской генетической близости, что корректируется несколькими вновь предлагаемыми фрако-кельтскими топонимическими сближениями. В области иллиро-мессапской топонимики подробно рассматривается вопрос о содержании термина "иллирийский" и более широкого – "древнеевропейский", в связи с известными исследованиями Г.Крае. Подчеркивается тот факт, что, в отличие от восточнобалканской, западнобалканская топонимика, вероятно, стала известна славянам лишь через посредство романизованного населения адриатического побережья.

Раздел "Проспективный анализ. Глоссы" открывается кратким обзором истории исследований в этой области, где первые шаги связаны с именем Г. фон Гана, впервые предложившего некоторые до сих пор актуальные соответствия между древнебалканскими лексемами и албанскими апеллативами. В первой части раздела анализируются некоторые проспективные соответ-

ствия с западнобалканскими апеллативными реликтами, изученные Э.Хемпом, см. Namj E. *Albanian and Messapic*. - In: *Studies presented to J. Whatmough*. The Hague, 1957, p.73 - 89 : мессап. *βρένδον·έλαγον* 'олень' ~ алб. *bri* 'por', мессап. *Iuppiter Menzana* ~ алб. *mëz* жеребенок. Отмечается сравнительная скудность параллелей этого типа. Вторая часть раздела посвящена рассмотрению некоторых из более многочисленных проспективных соответствий с восточнобалканскими апеллативными реликтами, в том числе, фрак. *ἄρουλος·μῦς* 'мышь' и под. ~ алб. *ragal* 'хижина, шалаш', фрак. *σπάϊλμῆ·μάχηρα θρακία* 'фракийский меч' ~ алб. *shkállmë* 'меч', дак. *μαντία*, *mantia* 'ежевика' ~ алб. *mën(d)* 'шелковица', дак. *mal ~ алб. *mal* 'гора', дак. *μίσηλα*, *μόξουλα* 'тимьян' ~ алб. *mòhullë* 'горох'. В то же время некоторые фрако-албанские и дако-албанские параллели подвергаются ревизии на основе фонетических критериев.

Раздел "Ретроспективный анализ. Отдельные элементы древнебалканской реконструкции" посвящен обзору основных гипотез, объясняющих особенности балканского языкового союза или отдельных балканских языков из субстрата. В ряде случаев, как, например, при объяснении восточноболгарской редукции, субстратное объяснение представляется маловероятным; что касается ряда грамматических черт, например, утраты балканского инфинитива, то они должны быть, вероятно, признаны результатом более поздних интерференционных процессов. В области общей лексики балканских языков, объясняемой из субстрата, на конкретных примерах анализируется методика, применяемая такими учеными, как Ч.Погирк и Г.Райхенкрон, причем показывается, как недостаточное внимание к праалбанской и "правосточнороманской" реконструкции соответствующих лексем приводит к некорректному выделению и истолкованию субстратных лексических единиц.

Глава завершается разделом "Основные аспекты генетических связей албанского языка". Включение этого раздела объясняется тем, что проблема албанского и вопрос о субстратных элементах балканославянских языков методически и содержательно не могут быть разделены, поскольку то или иное отношение к генетическим связям албанского определяет и направление наших этимологических поисков. В разделе сопоставляется аргументация сторонников иллирийского происхождения албанского и

тех, кто считает албанский потомком фракийского или дакийского. Хотя в нашем распоряжении имеются лишь косвенные доводы, более сильной признается система аргументов в пользу фракийского, восточнобалканского происхождения албанского, сформулированная, в целом, еще Вейгандом и развитая в работах Д.Дечева и В.Георгиева. При этом подчеркивается, что, в то время как фракийская гипотеза способна дать интерпретацию и контрдоводам сторонников иллирийской теории, обратное неверно. Факты, указывающие на иллиро-албанские связи, могут быть объяснены как следствие контактов, осуществившихся по приходе предков албанцев на нынешнюю территорию их расселения, однако, предполагая иллирийское происхождение албанского, невозможно интерпретировать многообразные албано-восточнобалканские связи, в том числе - многочисленные заимствования в албанский из восточнобалканской латыни и из албанского, на раннем этапе его развития, в восточнобалканскую латынь. Следовательно, раннеалбанский, не обязательно совпадая с фракийским или дакийским, должен рассматриваться как близкий им генетически восточнобалканский язык.

Выводы главы первой могут быть сформулированы так: 1. Древнебалканская топонимика может служить полезным источником для изучения колонизации славянами Балканского полуострова, в частности, для оценки и воссоздания этнолингвистической ситуации на Балканах перед появлением там славянского населения. 2. Данные проспективного и ретроспективного анализа балканской апеллативной лексики позволяют соотнести наличную в балканославянских языках субстратную лексику с материалом неславянских языков Балкан, как древних, так и современных, исследовать проникновение в славянские языки не только словарных, но также и некоторых грамматических и фонетических балканизмов. 3. Перечисленные выше методы в известной мере дают возможность реконструировать древнебалканскую этнолингвистическую ситуацию в ее отношении с более поздними периодами. 4. Имеющиеся данные позволяют поддержать восточнобалканскую теорию происхождения албанского языка и, тем самым, по-новому взглянуть на соотношение албанского и фракийского вклада в неисконную апеллативную лексику балканославянских языков.

Глава вторая "Восточнобалканские элементы в балканославянских языках" посвящена выявлению и этимологизации балкано-

славянских апеллативов, заимствованных из языков Восточных Балкан – фракийского, дакийского, раннеалбанского.

Ранее вопрос о заимствованиях такого типа широко ставился В.Георгиевым, который в ряде работ стремился обосновать фракийское происхождение значительной группы болгарских слов; см.Георгиев В. Въпроси на българската етимология. София: Изд-во на БАН, 1958 и др. В дальнейшем В.Георгиев отказался от многих своих этимологий, однако рассмотрение их имеет большое методическое значение и им посвящено начало главы второй. Анализ таких слов, как болг.заяк ‘заяц’, ватаф(ин), ватах ‘старший мастер над рудокопами, управитель поместья’ и т.п., кърпа ‘скала’, балта ‘болото’, газя ‘идти вброд, топтать’, клок ‘молоко’, которые В.Георгиев считал фракизмами в болгарском, показывает, что все они могут быть объяснены иначе и более удачно: одни – как более поздние заимствования, другие – как исконно славянская лексика. Причиной заблуждения здесь может быть обращение к реконструкции по фракийским звуковым законам, не поддержанной никаким реальным языковым материалом, который, между тем, можно найти в ареально близком фракийскому албанском, а также в восточнороманском, содержащем много албанских и фракийских элементов.

Далее в главе рассматриваются конкретные этимологии балканославянских заимствований из восточнобалканских языков.

Сербохорв.баџ ‘пастух, старший пастух’, болг.диал.бач ‘сыр-вар на летнем пастушеском стойбище’(возможно, из сербохорв.), производные – макед.бачило ‘загон,пастушеская хижина’, словен.басек ‘ягненок’. Слово распространено в карпатских и неславянских балканских языках как обозначение старшего пастуха: польск.баса, диал.басза, чеш.баџа, алб.баџ, рум.басі, венг.баcs, басва, новогреч.эпир.μπάτσος, последнее, вероятно, прямо из алб. Наличие фонетически близких обозначений старшего брата, дяди в алб.басё, рум.басі позволяет видеть в них источник этой группы слов ввиду известного на Балканах семантического перехода ‘старший родственник, хозяин дома’ → ‘старший пастух’, см.ниже. При этом исходным следует признать алб.басё < ранне-алб.*batša < *batja. Последнее, без обсуждения деталей, В.Полак уже сравнивал со слав.*batja, что следует признать верным. Известное истолкование слав.*batja О.Н.Трубачевым как преобразо-

вания и.-е. *pater может служить и этимологией раннеалб. *batja. Семантическая эволюция албанского слова, сходная с судьбой алб. môtër 'сестра', дает основания исключить мысль о заимствовании из славянского; более вероятным представляется ареальное взаимовлияние, подтверждаемое тем, что слав. *batja наблюдается, в отличие от *bata/*bat'a только в балканославянском. Фонетические особенности указывают на то, что раннеалбанское слово распространилось в карпато-балканском ареале через восточнороманское посредство, причем вторично было заимствовано в албанский в форме баџ.

Болг. катерица 'белка', катеря се 'карабкаться' объяснялись В. Георгиевым как заимствование из фрак. *kater- < и.-е. *(s)kok-ter-. При этом не было принято во внимание наличие алб. kêtër, kîtër 'белка', которое, допуская реконструкцию раннеалб. *kôter, позволяет однозначно решить вопрос о направлении заимствования: в славянский из раннеалбанского, поскольку обратное было бы фонетически невозможно. Соположение болг. катерица и алб. kêtër позволяет отказаться и от объяснения последнего Э. Чабеем из болг. кита 'букет, пучок', в то время как алб. форма с -i- объясняется как вторичный диалектный вариант. Дальнейшая этимология алб. kêtër возможна как развитие и.-е. *(s)kok-; однако некоторые фонетические и морфологические трудности позволяют искать альтернативные решения. В частности, допустимо видеть в kêtër нередкое в албанском сложение с префиксальным ко- и и.-е. *ter-, указывающее либо на способ передвижения животного - близко к земле или вплотную к стволу дерева, либо на тот способ, которым грызуны объедают зерновые. Иная возможность: связь с основой кат-/кот-. Она представляется более сомнительной. В рамках данного этюда от исследуемой группы слов отделяется алб. kërcëj 'прыгать, плясать', связываемое нами с алб. kërci 'пень, чурбан', относящимся, как установлено Э. Чабеем и А. В. Десницкой, к балканскому ритуалу сжигания пня на рубеже нового года: в конечном счете, вместе с алб. kërci 'берцовая кость' - к и.-е. *(s)ker- 'резать'.

Болг. диал. рофея, руйя 'молния' также возводилось В. Георгиевым к фракийскому источнику. Наряду с алб. rrufë 'гром, молния' и новогреч. βρονταία 'большой, широкий меч' сохранились античные передачи фрак. romph(a)ea, romfeea и под. 'копье, пика, меч'.

Этот материал был известен уже В.Томашеку, который предложил две альтернативные этимологии фраз. *ῥομναία* – к др.-инд. *gambhīnī* ‘копье’ или к др.-инд. *luprāti* ‘разрушать, повреждать’, лат. *rupere* ‘рвать, ломать’. При ряде трудностей, вторая этимология предпочтительнее и фонетически, и семантически. Томашеком даны и типологические параллели к переходу ‘копье, стрела’ → ‘молния’, которые важно дополнить указанием на посвященный фракийскому обряду пускать стрелы в грозное небо отрывок из Геродота – *nat. II, 94*. Вместе с тем, болг. *рофѣя*, *руфѣя* не может быть прямым заимствованием из фракийского, так как в инлауте ожидалось бы *-ъ(м)-* или *-ом-*. Болгарское слово заимствовано из алб. *rrufë*, которое также не продолжает прямо фракийской формы: ввиду албанского вокализма здесь приходится предполагать романское посредство, засвидетельствованное латинскими передачами типа *romfea* и рум. названием растения *gâmf*. Мысль об относительно позднем заимствовании слова в болгарский представляется довольно вероятной, но не безусловно обязательной.

Болг. *мургав* ‘черноватый’, *мургуляв* ‘темного цвета’, макед. *морг* ‘синий, темный’, сербохорв. *мург(ов)аст* ‘тмный, цвета маслин’ связаны с алб. *murq* ‘темный, черный, серый, караковый’ (о лошади), рум. *murq* то же. Та же основа имеется и в карпатской зоне: чеш. диал. *murgaňa* ‘овца с черными полосами’, словц. *murgasty* ‘пестрый’ (о кошке) – спорадическая словарная фиксация, далее – укр. *муругий*, *муругий* ‘пестрый, темносерый’, русск. *муругий* ‘волнистый, мрамористый, ржебурий с черною волною’ (о шерсти животных). Данная карпато-балканская основа может быть хорошо объяснена из алб. *murq* < и. -e *mer(ə) *g^w*. Однако тот факт, что балканские названия мастей животных часто заимствуются, позволяет искать и иные объяснения. Предполагаемым источником может быть балкано-кельтская форма, родственная ирл. *marc* ‘лошадь’, валл. *marc* то же и т.д. Незавершенность вопроса о кельтских языковых остатках на Балканах заставляет, однако, пока предпочесть первую этимологию. В то же время важно иметь в виду, что, даже принимая кельтскую этимологию, мы с необходимостью должны предполагать для балканского слова раннеалбанское посредство.

Название внебрачного ребенка сербохорв. *кõпѣл*, *кõпѣле*,

болг. *кóпеле, кóпиле*, *копелáк* существует и в карпатской зоне, ср. укр. *кóпил*, и в неславянских языках Балкан: рум. *сбрil, сорil* 'бастард, ребенок, сын', новогреч. *κολιλος* 'бастард', *κολιλι* 'молодой человек, слуга', алб. *корil* 'бастард, слуга, молодой человек'. Анализ основных моделей номинации внебрачного ребенка позволяет провести селекцию имеющихся этимологий данной балканской основы и предпочесть этимологию Н. Йокля, источник ее видевшего в алб. *корil* – из префиксального *ко-* и корневой морфемы, отождествляемой с алб. *рjell* 'рождать, производить на свет'. В некоторых отношениях этимология Йокля может быть существенно уточнена: в работе опровергается мнение о полном материальном и семантическом тождестве алб. *ко-* и др.-инд. *ка-*, объясняемом параллелизмом в развитии значений генетически подобных формантов, причем указывается на сходство в апофонии алб. *ка-*: *ко-* и слав. префиксальных **ко-*: **ка-*. Иначе объясняется и алб. *рjell* – к лат. *pellō* 'бить, толкать', что подтверждается типологически сходными случаями, ср. русск. *помёт* и *под*.

В карпато-балканском ареале широко распространено название продукта, получаемого переваркой сыворотки: болг. диал. *урда*, *вурда*, макед. *урда*, сербохорв. диал. *урда*, *вурда*, укр. диал. *урда*, *вурда*, гурда, польск. *urda* 'верхняя часть сыворотки', чеш. диал. *urda*, словц. (h) *urda* 'скислое овечье молоко, сладкий напиток из овечьего молока'; рум. *urda*, алб. (h) *urdhë* 'сыр, творог' и под., новогреч. *ουρδα* 'сыр, творог'. Существующие этимологии этой основы не могут быть приняты – как правило, по фонетическим соображениям. Соотношение румынского и албанского слов приводят к выводу, что рум. *urda* является заимствованием из раннеалбанского, до того, как в последнем осуществилось закономерное развитие *urda > *urdā > (h) *urdhë*. Начальное *h-* имеет здесь неорганический характер. Этимология раннеалб. *urda следует из того, что это слово является обозначением переваренной сыворотки, и из установленного Г.П. Клепиковой факта совпадения семантических объемов и ареалов распространения данной балканской основы и славянских производных от **var-* типа болг. *одвара*, *извара*. Это позволяет объяснить раннеалб. *urda как производное с нулевой ступенью вокализма от и.-е. *det 'гореть'. Семантические и лингвогеографические особенности славянской и раннеалбанской основ позволяют думать о возможности калькиро-

вания в славянском. При распространении раннеалбанского слова в карпато-балканском регионе не следует исключать восточнороманского посредства.

В южнославянских языках имеется ряд редких диалектных образований, восходящих к праслав. *сарь: сербохорв. диал. цап 'насмешливое обращение к бородатому человеку', макед. диал. цап 'козел', словен. сар 'некастрированный козел'; единичны фиксации диал. цап 'козел' в болгарском. Ту же основу находим в славянском Прикарпатье и в неславянских балканских языках, обычно в значении 'козел': укр. диал. цап, русск. диал. цап, псльск. сар, слвц. сар, чеш. диал. сар; рум. țар, алб. сар, сјар, thјар, sјар, всар, новогреч. τσ(ι)λόσ, венг. сар. Сюда же относятся южноитал. диал. dzарри, зарро и под. 'козел'. Отклоняя сопоставление этой основы с зап.-и.-е. диалектизмом *карг-, где нет оснований предполагать начальное *к-, надо указать, что разнообразие албанских форм может служить косвенным доводом в пользу их исконности. Эти формы - развитие одного источника, раннеалб. *т̄сер, которое мы объясняем как закономерный результат эволюции и.-е. *(s)кер- 'рубить, резать', что в семантическом плане соответствует слав. *ръгѣ- в укр. перч, болг. пръч 'козел', вероятно, из и.-е. *регк- 'разрывать, вскапывать'. Ареальная и семантическая близость этих образований не может не наводить на мысль о калькировании или, по крайней мере, о взаимодействии в условиях Балкан. По крайней мере, некоторые из балканских форм должны объясняться при этом как непосредственные заимствования из раннеалбанского.

Проэтимологизированная в главе второй лексика генетически может быть определена как восточнобалканская, раннеалбанская или фракийская. К этой группе слов могут быть присоединены и другие: сербохорв. бла̀вѡр 'полоз', болг. крачу̀н 'рождественский день', болг. диал. бар(д)з 'серый', сербохорв. кѐц 'козел' и др. По времени проникновения в балканославянские языки среди них могут быть выделены древние заимствования, например, болг. кáтерица, и ряд заимствований более позднего периода, но сохраняющих отдельные раннеалбанские фонетические черты. Проблема датировки заимствований существенно осложняется тем, что восточнороманские эквиваленты албанских слов, в целом, лучше сохраняют особенности раннеалбанской фонетики,

чем сам современный албанский. Это иногда не позволяет отделить случаи, где имелось восточнороманское посредство, от тех, где такого посредства не было и заимствование произошло из раннеалбанского. Особую роль в связи с этим приобретают примеры, свидетельствующие о раннеалбанском заимствовании на основе семантических критериев и фактов калькирования. Другим важным аспектом обследованной лексики является принадлежность ряда слов к карпато-балканскому словарю, что проливает дополнительный свет на время и место формирования некоторых элементов карпатской лексики.

Материал, проэтимологизированный в главе второй, позволяет сформулировать следующие выводы: 1. В балканославянской апеллативной лексике выделен заимствованный слой, для которого на основе этимологического анализа доказано его восточнобалканское происхождение. Часть элементов этого слоя определяется как собственно фракийские, большинство – как раннеалбанские. 2. В ряде случаев допускается, что опосредующие функции между раннеалбанским и балканославянским выполнялись восточнороманским. Показаны также случаи, где определение факта восточнороманского посредства оказывается методологически невозможным. 3. Проведенная хронологическая и ареальная стратификация показывает, что древнейшие восточнобалканские заимствования распространились фактически по всей праславянской территории. Более поздние раннеалбанские заимствования ограничены карпато-балканским ареалом или отдельными его районами и связаны, вероятно, с периодом албано-восточнороманских этнолингвистических контактов. 4. Восточнобалканские заимствования обнаруживают, помимо своей генетической общности, также значительную ареально-хронологическую и культурно-семантическую гомогенность.

Глава третья "Вклад неавтохтонных балканских языков в балканославянские языки" посвящена ранним заимствованиям в балканославянские языки из неавтохтонных индоевропейских языков, в ареал распространения которых входили Балканы, до колонизации последних славянами. При этом в главе рассматриваются те сложные случаи заимствований, для которых мы предполагаем посредничество автохтонных балканских языков, прежде всего раннеалбанского. Основное внимание сосредоточено на заимствованиях из иранских и германских языков.

Факт немногочисленности специфически южнославянских иранизмов был установлен в работе Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений. — В кн.: Этимология 1965, М.: Наука, 1967, с.35 — 37. Там же предложено объяснение болг. стопан, стопанин 'хозяин', сербохорв. стопанин то же, 'старший пастух' из иран. *asta-rān- 'защитник, покровитель дома'. При этом не учитывались рум. stăpîn 'хозяин', алб. shtëpë 'сыродел', которые, вопреки Н.Йоклю, не заимствованы из славянского, откуда более позднее алб. stōpān, но восходят, вероятнее всего, к раннеалб. *stapan-. Тот факт, что необъяснимое на славянской почве исчезновение анлаутного иран. *а закономерно для албанской фонетики, заставляет предполагать раннеалбанское посредство при заимствовании иранского слова в славянский. Коррелирующее с алб. shtëpë shtëpë 'дом' объясняется тогда как случай переразложения и переоформления по продуктивной албанской словообразовательной модели.

Болг. кагун 'пастушеская хижина' и под., сербохорв. кагун 'село, пастушеское село в горах' и т.д. связаны с новогреч. κατούνα 'поклажа, палатка, табор', рум. cătună 'поселок, хижина, вырытая в земле печь', алб. katúnë 'село, деревня, городок'. Алб. katúnë, содержащее неорганическое -а, соотносимо с алб. katúa 'погреб, подпол, подвал, хлеб', продолжающим раннеалб. *katān-. Реконструируя в качестве исходного значение 'выкопанное помещение, погреб' и т.п., мы предполагаем здесь заимствование из иран. *katāna-, соотносительного с авест. kata- 'комната, кладовая, погреб', к иран. *kan- 'копать'. Раннеалбанское заимствование из иранского обнаруживает семантическое развитие, весьма близкое к тому, которое наблюдается в южнослав. *kǫtja, что позволяет думать о возможности древнего взаимодействия.

Весьма сложным является вопрос о происхождении слав. *(v)atra, распространенного преимущественно в карпато-балканской зоне, но сохранившегося также в русск. ватрушка и русск.-цслав. обатрити са 'воспалиться', общерние 'воспаление, опухоль'. Представляется возможным опровергнуть мысль о родстве славянского слова и иран. *atar-, исходя из фонетических соображений, поскольку развитие протезы v- перед ā- в славянском весьма маловероятно. По той же причине надо исключить родство

иранского слова с алб. *vátër/vótër*, поскольку в албанском такая протеза была возможна, но только в заимствованиях. Это обстоятельство позволяет усмотреть в алб. *vátër/vótër* заимствование из иранского, переданное далее славянам, уже с анлатунным *v*-. Факт наличия соответствующей иранской основы на Восточных Балканах подтверждается интерпретацией фраз. **Atarrotis* как иран. **atar-gābā*.

В раздел, посвященный германским элементам, включено два этюда о лексемах восточногерманского происхождения. Болг. грив 'серый' (о масти животного), 'пестрый', наряду с рум. *griv* 'пестрый, с белыми пятнами', алб. *grivë* 'пепельного цвета' (о животных), рассматривается, вопреки В.Георгиеву, считавшему это слово фракизмом, как заимствование из восточногерм. **grīwa* < герм. **grēwaz* 'серый', из и.-е. **g^hhr̥eǵos*. Это – один из случаев заимствования названий лошадиных мастей на Балканы и их трансформации в названия мастей других животных. Трудно согласиться и с О.Н.Трубачевым, отождествившим болг. грив с укр. гривий 'с полоской на шее' (об овце), в силу связи последнего со слав. названием шеи **griva*.

Для слав. **осьть* 'уксус' в главе показываются фонетические сложности при объяснении непосредственно из лат. *acētum* или через посредство гот. *akeit*-. В связи с этим обращается внимание на алб. (i) *āthët* < раннеалб. **atšët*-, которое толкуется нами не как исконное албанское слово, но как заимствование из гот. *akeit*-. Раннеалб. **atšët*-, с другой стороны, может быть фонетически безупречным источником слав. **осьть*. Предложенная этимология служит отправной точкой для исследования вопроса о путях проникновения некоторых других латинских заимствований в славянский: наличие у них албанских и восточнороманских коррелятов может указывать как на раннеалбанское посредство, так и на место передачи заимствований – северо-восточные Балканы.

Данные главы третьей дают возможность сделать следующие выводы: 1. Среди германских и иранских заимствований в балканославянские языки выделены те, для которых, на основании этимологических критериев, может быть установлено восточнобалканское, герм. раннеалбанское посредство. 2. Передача этих слов из восточнобалканского ареала славянам связывается с

эпохой албано-восточнороманских языковых контактов в северо-восточных областях Балканского полуострова, а также с присутствием восточнобалканских, фракийских этнических групп в **этом ареале**.

3. Выдвигается гипотеза о заимствовании некоторых латинских слов в славянский не только через германское, но и через восточнобалканское посредство, в частности, из балканской латыни.

Глава четвертая "Проблема неиндоевропейской лексики в балканославянских языках" рассматривает вопрос о тех субстратных лексемах, которые рядом ученых рассматриваются в балканославянских языках как неиндоевропейские. Не слишком правдоподобной представляется сама мысль о том, что неиндоевропейские элементы могли попасть в балканославянский словарь как следствие прямого контакта: к приходу славян Балканы вряд ли имели неиндоевропейские этнические группы. Возможности же опосредованной передачи неиндоевропейских элементов славянам через индоевропейских автохтонов исключать полностью не следует. Однако и в последнем случае этимологический анализ нередко приводит к распознаванию в мнимом неиндоевропейском слове регулярного индоевропейского образования. Примером может служить название замка, засова – сербохорв. брѡва, болг. брѡва, заимствованное и в неславянские балканские языки. В этом слове, считающемся "дороманским", следует видеть производное от слав. *bоgъ, болг. брав 'баран' и т.п., основанное на широко распространенном метафорическом понимании ключа и замка. Индоевропейское образование распознается, видимо, и в слав. *mоgyla с его балканскими параллелями – алб. mǎgulë 'холм, бугор', рум. mǎgura то же. Исходными здесь являются, надо думать, метатетические варианты типа сербохорв. гòмила, алб. gamilë. В качестве одной из возможностей их прототип можно усматривать в некоторых известных 1-расширениях и.-е. названия земли: лат. humilis, др.-греч. χαμαλός и под. Не имея возможности точно определить язык-источник этого слова в славянском и балканских языках, мы, тем не менее, не можем не признать его индоевропейским. Как заимствования из раннеалбанского толкуются некоторые балканские и альпийские названия скал и камней, в том числе, болг. кáрпа, словен. kǎv 'скала' и др. Из сказанного делаются следующие выводы: I. В главе показано, что, по имеющимся данным, балкано-

славянские языки не знают неиндоевропейских субстратных заимствований, попавших непосредственно из неиндоевропейских балканских языков в славянский. Есть основания полагать, что к приходу славян на Балканы там отсутствовал неиндоевропейский этнолингвистический слой. 2. Этимологический анализ позволяет выделить среди мнимых неиндоевропейских элементов собственно славянские образования, романские и раннеалбанские заимствования. Последние должны рассматриваться совместно с выделенными в главе второй раннеалбанскими элементами балканославянского словаря. 3. Среди субстратных балканославянских лексем могут быть выделены слова, получающие индоевропейскую этимологию, но без определенной связи с тем или иным индоевропейским языком. По ряду причин они могут быть отнесены к "древнеевропейским".

Глава пятая "Значение субстратных данных для комплексного изучения этногенеза славян на Балканах" рассматривает некоторые общие условия контакта носителей праславянских диалектов с автохтонным населением Балканского полуострова. Картина этих контактов может получить лингвистическое освещение, если предпринять семантическую классификацию обследованных в предшествующих главах слов. Субстратные элементы могут быть распределены по следующим семантическим разрядам: 1. Горный рельеф. 2. Низинный рельеф. 3. Явления природы. 4. Животные. 5. Люди и родственные отношения. 6. Жилище и хозяйство. 7. Продукты хозяйства. 8. Мاستи животных. Существенно то, что отмеченные области материальной и духовной культуры по данным работы пережили изменения в одном направлении: адаптации к новым условиям рельефа, преимущественно горного, быта, семейно-хозяйственных отношений, что связано прежде всего с балканским типом скотоводства. Немаловажно также и то, что пополнение наиболее важных рубрик заимствованиями происходило как на раннем, так и на дальнейших этапах колонизации Балкан, образуя единый процесс. Материал дает основание для следующих выводов: 1. В настоящей главе предложена семантическая классификация заимствованных элементов в балканославянских языках, проанализированных в предыдущих главах. 2. Выделены основные тематические группы лексики, связанные с глубокой перестройкой культуры балканских славян в новых хозяйственных и географиче-

ских условиях. Намечены главные тенденции в развитии балканославянской апеллативной лексики за счет заимствований из балканских языков.

В Заключении формулируются следующие основные выводы исследования: 1. В настоящей работе предметом изучения явился слой так называемых субстратных апеллативных заимствований в балканославянских языках – болгарском, македонском и сербохорватском. Понятие "субстратного элемента" было подвергнуто уточнению: субстратные апеллативные элементы трактуются как ранние заимствования в балканославянские языки эпохи славянской колонизации Балканского полуострова. Сказанное определило временные и пространственные рамки исследования. 2. Состав ранних заимствований указанного типа был уточнен. В частности, мнимые фракийские заимствования в балканославянские языки подверглись этимологическому пересмотру. 3. В лексике балканославянских языков был выделен слой восточнобалканских заимствований, раннеалбанских и собственно фракийских, относимых к раннему этапу славянской колонизации Балкан. Этимологические решения, в том числе предлагаемые впервые, основываются на развиваемой в работе мысли о специфической близости раннеалбанского фракийскому и другим языкам Восточных Балкан. 4. Выделенные и проэтимологизированные восточнобалканские заимствования стратифицированы по времени их проникновения в балканославянский. Особо описаны случаи предполагаемых калек, возникших в балканославянском под влиянием восточнобалканских лексем. 5. Этимологическому анализу подвергнуты также заимствования в балканославянские языки из других индоевропейских языков, неавтохтонных на Балканах: германских и иранских. Рассмотрены случаи, когда для германских и иранских заимствований в балканославянский может предполагаться восточнобалканское посредство. Показана роль восточнобалканского лингвистического элемента в славяно-иранских, славяно-германских и славяно-романских контактах. 6. Рассмотрен вопрос о лексемах, традиционно признававшихся наследием неиндоевропейского субстрата в балканославянском. Ряд таких лексем проэтимологизирован на индоевропейской почве. Выдвинуто положение об отсутствии особого неиндоевропейского этнолингвистического слоя на Балканах к началу славянской колонизации. 7. Для оценки характера этногенетических взаимодействий между

славянами и автохтонным населением Балкан использована семантика заимствований, изученных в работе. 8. Среди восточнобалканских заимствований отмечено значительное число карпатизмов и балканизмов. В связи с этим в работе рассматривается роль славянской колонизации Балкан для формирования карпато-балканского лингвистического пространства. Указаны предположительный ареал и время проникновения этих лексем в балканославянский и другие славянские языки.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

1. К истории развития протоалб.*дц.- В кн.: Античная балканистика 3. Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья. М.: Наука, 1978 (0, 15 п.л.)
2. Наблюдения над отражением *ѣ, *ѧ в албанском.- В кн.: Античная балканистика 3. Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья. М.: Наука, 1978 (совместно с И.А.Калужской; 0, 15 п.л.)
3. Албанские смычные в свете этимологии.- В кн.: *Balkanica*. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1979 (0,5 п.л.)
4. Слав.*удъ.- В кн.: Этимология 1977. М.: Наука, 1979 (0, 35 п.л.)
5. On the structure of substratum in the Carpathian-Balkan languages.- In: *Quatrième Congrès International des Etudes du Sud-Est Européen. Abrégés des communications et des co-rapports*, 1979 (совместно с Л.А.Гиндиным и И.А.Калужской; 0,1 п.л.)
6. Личные местоимения в албанском языке в сопоставлении с личными местоимениями в славянских и других индоевропейских языках.- Советское славяноведение, 1980, № 5 (0,5 п.л.)
7. Балканские этимологии. I. Слав.*осьтъ.- В кн.: Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.: Наука, 1980, (0,1 п.л.)
8. И.-е.*ѣ в албанском.- В кн.: Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.: Наука, 1980 (совместно с И.А.Калужской; 0,1 п.л.)
9. К этимологии сербохорв. *блѣвѣр*, рум. *bălaur*, алб. *bul-lar*.- Вестник МГУ. Сер.Филология, 1981, № 2 (0,5 п.л.)

Подписано к печати 22.06.81
Объем 1,25 п.л. Тир. 150 экз. Зак. 178

Офсетное производство типографии №3
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1.

